

*Айгуль
Кетельбаева*

ХАКАНИ И АБАЙ

Эссе

Поразительная духовная связь великих поэтов, по-моему, существует реально и проявляется всюду. Я это как-то неожиданно и остро почувствовал однажды, прохаживаясь по тихим, задумчивым залам Государственного музея литературы имени Алишера Навои в Ташкенте. Затаив дыхание, разглядывал я древние книги и рукописи. Их было много, больших и малых, изящных и громоздких, потемневших от времени, от пыли веков, но сохранивших краски, искусство, неповторимое мастерство и терпение известных и неизвестных художников, оформителей, каллиграфов. Сколько труда, любви и вкуса вкладывали переписчики бесценных рукописей, поэтических сборников-диванов!

...Как бы погружаясь в старину, попадая в Древний Восток – многокрасочный, бурный и яростный, созерцательный и мудрый, я с благоговением шептал сладкозвучные имена: Навои, Хафиз, Саади, Фирдоуси, Низами, Джами, Физули. И вспомнил: ведь когда-то юный Абай, вернувшись из Семипалатинского медресе, нашептывал, точно исцеляющую молитву, эти имена на ухо любимой бабушке Зере. И я обрадовался, увидев в одном из залов в ряду великих поэтов Востока и Абая.

И лучшие умы Запада неизменно стремились к сближению культур, наведению мостов. И одним из этих гениев был Иоганн Вольфганг Гете. Это он, плененный поэзией Востока, восклицал об одинаковой божественности Востока и Запада:

Gottes ist der Orient!

Gottes ist der Okzident!

Герольд Бельгер

«Ночная песнь странника: Гете – Лермонтов – Абай»

Особенность гениальности Абая заключается в его связи с великими поэтами мира. Один из них – это, безусловно, Хакани. Краткие сведения гласят о нем: «Афзаладдин Бадил Ибрахим ибн Али Хакани Ширвани родился в 1120 году в г. Шемахе в небогатой семье столяра. Мать его, рабыня-христианка, принявшая ислам, скорее всего, была ассирийкой. Персы и азербайджане спорили о его происхождении. Язык его персидский, отчизна азербайджанская».

В биографии Хакани случались резкие переходы, от дворца правителя до темницы, уже пожилым человеком, он до ухода в иной мир стал отшельником. Созерцательность и смиренность Хакани таят в себе скрытый бунт.

Сердце рождено для муки, радостно приемлет боль.
 Что мольбы! Земля недвижна, вечно небосвод сутул.

Поэт признает убогость вокруг, но не предается унынию. Он верно осознает свою значимость в этом мире.

Счастлив я, но единица выпала в моей игре,
 Вы в тоске, но вам шестерку случай нынче подметнул.

Высший знаковый смысл единицы особо подчеркнул и Абай. В стихотворении «Когда есть в сердце свет ума» (1889) (перевод Ауезхана Кодара в книге «Абай (Ибрагим) Кунанбаев. Избранное, Алматы, «Ана тілі», 1996), единица выступает символом мудрости, чей эзотерический смысл соответствует истине природы чисел. По Пифагору, число 1 символизирует монаду. Единица согласно алхимии есть начало всех начал, сущность вещей, порядок, создатель, мистический центр. «Один есть всё» – и всё от него, и всё в нем». Мир есть в целом расположение чисел.

Как единица – мудрый вождь,
 Народ, как скопище нулей.
 Знай, единица и без них,
 Была бы в мире не слабей.
 Зато без стойких единиц
 Как быть нулям в толпе своей?!
 Народ свой мирный не мути,
 А береги его, жалей.
 Когда есть в сердце свет ума,
 Не спорят с теми, кто мудрей.

В оригинале: «Единица – жақсысы, / Ерген елі бейне нөл./ Единица нөлсіз-ақ,
 / Өз басындық болар сол. / Единица кеткенде, / Не болады өңкей нөл?» (Абай).

Хакани и Абай были нравственными людьми своего времени, для них высокий идеал свят, низость и пороки людского общества им чужды. Они отвратили свой народ от подлости, высмеяв язвы общества – лицемерие, коварство, ложь в своей гражданской лирике.

Хакани провозгласил старую как мир истину:

Слушай, юноша! Низкий отвергни обман!
 Ведь коварство – гибель народов и стран.
 Ты сначала насытишься радостью вора,
 А потом тебе руку отрубят, и скоро.
 Лучше там поселись ты, где верность живет,
 И поверь, что она – твой надежный оплот.
 Я советую: к верности с детства готовься,
 Хоть сейчас она в мире отсутствует вовсе.
 Кто из низости и выр над миром,
 Но забыл благодетеля – равен кафирам.

У Франсуа Вийона, великого французского поэта Средневековья, есть 11 баллад, написанных на арго, завуалированном жаргоне преступной среды, в которой он вращался.

«Четверостишие, сложенное Вийоном, когда он был приговорен к смерти» подтверждает, что Вийон смиренно осознавал бесовскую авантюру своего греха с сарказмом, присущим лишь невозмутимым умам:

Я – Франсуа – чему не рад! –
 Увы, ждет смерть злодея,
 И сколько вести этот зад,
 Узнает скоро шея.

Абай всегда философски осмысливал бытие. В житейских делах был глубоким психологом. Он точно изучал и верно знал людские нравы, слабость и несовершенство человеческого рода в целом.

«Жақсылығың күнде ұмыт, бір жаңылсаң болды кек»; «Қазақтың қайсысының бар санасы, / Қылт етерде дап-дайын бір жаласы. / Пысықтықтың белгісі – арыз беру, / Жоқ тұрса бес бересі, алты аласы».

Хакани подчеркивает невежество открыто:

Обижаться способны людские низы,
 Что покуда не видно над ними грозы.

Абай сокрушается по поводу друга-предателя. Доверчивость и искренность отныне не в почете. Хитрость становится признаком ума. Хотя для мудрости хитрость есть всего лишь клеймо плебейства: «Сенбе жұртқа, тұрса да қанша мақтап, / Әуре етеді ішіне қулық сақтап. / Өзіңе сен, өзіңді алып шығар, / Еңбегің мен ақылың екі жақтап».

То же самое твердит Хакани:

Пусть сердце оболется кровью, ведь нет покоя, и не будет.
 Живи один, с самим собою, а верность друга – это бред.

Испокон веков статус и психологический облик рода человеческого не изменились. Хакани отчаянно искал в людях благородство, но оно столь редкостное явление. Мотив благородства у него стоит особо. У Хакани высший идеал – это благородный муж. Благородный муж подобен царю, он стоит особняком.

В сей мир приходивших мужей благородных
 Пасть мира глотала своим чередом.

Искал я благородства на развале, и нет нигде.
 По всей земле любовь искал не я ли? И нет нигде.

Благородство и человечность неразлучны. Но благородство обречено на гибель.

О Хакани! Вот сумасбродство, ты в людях ищешь благородство!
 Оно исчезло с горизонта, и стал пустынен оком.

Он с болью сокрушается дальше:

Ты не пытайся в наше время мужей увидеть благородных,
 Нет, в наши дни никто удачи и тень Анка не обретал.

Когда б глаза узрели мужа, что благородством наделен,
 Узнали бы и ликованье души, вкусивший сладкий сон.

О, Если б Хакани по свету искать зарекся благородства,
 Тогда бы этот мир покинул, из этой двери вышел вон.

Поскольку мир со дня творенья еще не видел мужа чести,
То лучше б вовсе не являлся и не увидел он.

Хакани лихо приносит приговор земному порядку Вселенной, чуть ли не проклиная ничтожество:

Тот мир, что до конца был создан, был без благородства стал пустыней,
Хотя его и сотворили, уж лучше б не был сотворен.

Мотив богоборчества налицо. Этот мир для поэта станет убогим и ничтожным, если в нем нет ни капли благородства. Жребий у поэтов нелегок, убогость и ложь сокрушают их сердца. Хакани выглядит, как ясновидец, как проклинаящий за низменность, за вырождение. Благородство и верность есть два крыла для высочайшего полета Хакани, без крыльев он чахнет, как птица в неволе. И он вряд ли скрывает богоборческий дух:

Коварный небосвод пустынен и миске нищего подобен,
Нет пропитанья, ты созданья непостоянней не найдешь.
Дожата нива благородства, здесь ни колосьев нет, ни зерен,
Ты двух соломинок последних для поздней дани не найдешь.
Да, сотворенному из праха не пить из чаши благородства,
Надежды на глоток прохладный ты для гортани не найдешь.

Из стихов видно, что поэт часто играл в нарды. Оттого он мыслил сообразно с космическими значениями, движениями планет и звездами над головой, со вселенским охватом взгляда.

Это настольная игра для двух игроков. Персидские астрологи с помощью нардов часто предсказывали судьбы владык.

Глядят на нас рассвет и вечер – два надзирателя привычных,
Никто от времени укрытья и тайника не обретал.

У Абая есть сравнение: «Часы – это воры, обрекающие человека на верную гибель». «Сағаттың шықылдағы емес ермек, / Һәмиша өмір етпек – ол білдірмек. / Бір минут бір кісінің өміріне ұқсас, / Өтті, өлді, тағдыр жоқ қайта келмек».

Столько горести и правды звучат в этом стихотворении Хакани:

Людей ничтожных не проси о даре,
Ты лишь несчастья обретешь одни.

Снаружи – блеск, а на изнанке – темень,
Вся их природа зеркалу сродни.

Владеют миром женщины и слуги,
Скопцы, мерзавцы...Ты побудь в тени!

Но любят в мире праздничную легкость,
Так легким быть старайся, Хакани!

Абай был очень и очень близок в нравственном искании и ощущении скорби с Хакани. Оба поэта трепетно ищут благородство вокруг себя и не находят. Хакани в одиночестве:

Тень – мой единственный приятель, и собеседник мой – стенанье,
Людей искал в родной стране я и не нашел.

Рефрен «не нашел», неоднократно повторяющийся, напоминает стиль Махтумкули. Одиночество – проклятие лучших умов. Он будто оплакивает свою избранность с такой обреченностью. Гимн одинокого гения среди людей и страх у Абая этнически выражены в знаменитых «Восьмистишиях»:

От отца – вшестером,
Мать любя, вчетвером,
Рождены мы, и всеми я чтим.
Но, родней окружен,
Прозреваю, смущен:
«Я покинут народом своим!»
Как могила шамана в глуши,
Одинок я, со мной – ни души!

«Атадан алтау, / Анадан төртеу, / Жалғыздық көрер жерім жоқ. / Ағайын бек көп, / Айтамын ештеп, / Сөзімді ұғар елім жоқ. / Моласындай бақсының / Жалғыз қалдым тап шыным» (Абай, «Сегіз аяқ»).

Потеря нравственных ценностей взволновала Хакани не менее, чем многих видных и справедливых умов человечества:

И, очевидно, человечность ушла в небытие навеки,
Страны, где не царят злодеи, я не нашел.

У Хакани есть сравнение «Десницей времени изранен», «И, оседлав коня удачи» – несколько столетия позже Абай пишет «Жас жүрек жайып саусағын, / Талпынған шығар айға алыс».

Космическое сознание Хакани выше самосознания: «Всю ночь от бешеного жара дрожу, как солнце в ореоле».

ПЛАЧ МИРА

Хакани свою скорбь облекает в метафору, где созвучия с Абаем просто сходятся на редкость одинаково, будто они одно целое:

Там, где, тихо журча, два ручья из очей моих льются,
Звук черпалки небес, колеса водяного услышь.

Вот уже близко гроза, в туче мою сможешь поведать,
Долгий вопль «Пощади!» от вершины ледовой услышь.

Абай чуть ли не с умилением сам просит слезы: «Көзіме жас бер, жылайын», («Есінде бар ма жас күнің»), он не в силах преодолеть слез любви или отчаяния: «Жүрегім, соқпа, кел тоқта, / Жас келер көзге жүр-жүрлеп»).

О, господи, дай слезы моим глазам,
Терпенья дай, чтоб снова мне воспрянуть.
Больному сердцу отыщи бализам.
Быть может, все же, залечу я рану.

(Абай. «Припомни дни, когда ты молод был»).

В своем тезисе о сущности и предназначении поэзии Абай высоко ценит слезы как признак человеческого божественно-эмоционального состояния, ведь именно благодаря слезам и смеху человек отличается от остальных млекопитающих. Когда слезы и стихи родственны – это удел благородных и посвященных, а невежды просто не поймут высокую суть искренних слез. Сопереживание и сострадание – удел благородных людей.

«Өзгеге, көңілім, тоярсың, / Өленді қайтіп қоярсың? / Оны айтқанда толғанып / Іштегі дертті жоярсың. / Сайра да зарла, қызыл тіл, / Қара көңілім ояныс. / Жыласын, көзден жас ақсын. / Омырауым боялсын. / Қара басқан, қаңғыған, / Хас надан нені ұға алсын? / Құлағын ойлы ер салсын. / Тыңдамаса еш адам, / Өз жүрегім толғансын. / Әр сөзіне қарасын, / Іштегі дертім қозғалсын. / Әуелесін, қалқысын, / От жалын боп шалқысын. / Жылай-жырлай өлгенде, / Артағыға сөз қалсын» («Өзгеге, көңілім, тоярсың» Абай, 1 том, 119 стр.)

«Жылайын-жырлайын» в контексте текста Абая не раз встречаются вместе, даже в любовной лирике («Көзімнің қарасы»), плакать и сочинять – как близнецы, рождаются неразлучно меланхолия и поэтическое вдохновение: «Жылайын, жырлайын, / Ағызып көз майын. / Айтуға келгенде, / Қалқама сөз дайын».

Удивительны совпадения в психологическом состоянии лирических героев Хакани и «я» Абая: «Көк ала бұлт сөгіліп, / Күн жауады кей шақта. / Өне бойы егіліп, / Жас ағады аулақта. / Жауған күнмен жаңғырып, / Жер көгеріп күш алар. / Аққан жасқа қаңғырып, / Бас ауырып, іш жанар». Это стихотворение Абая на русском языке звучит так:

В иной час, брюхо туч распоров,
Проливается дождь обложной.
Одинок, без стенаний и слов,
Истекаешь горючей слезой.

Дождь прошел, вслед за ним во весь рост
Зеленеет земля и цветет.
Разболевшись от пролитых слез,
Голова кругом идет.

Одиночество для Хакани и Абая соизмеряется одинаково.
Хакани:

Теперь изваянием каменным боль в груди онемелой стоит.
В развалины сердца вселилась печаль, вошел одиночества страх.

«Жартасқа бардым, / Күнде айқай салдым, / Онан да шықты жаңғырық. / Естісем үнін, / Білсем деп жөнін, / Көп іздедім қаңғырып. / Баяғы жартас – бір жартас, / Қаңқ етер түкті байқамас».

Абай:

Я к утесу ходил,
Криком там исходил.
Эхо долго катало мой крик.
Изучая тот звук,
Я прошел путь наук,
Мне казалось, я много постиг.
Но утес, он на то и утес,
Крик мой, канув, нигде не пророс.

У Абая это жалящее чувство одиночества и тоскливой избранности сродни «могиле шамана», которая стояла отдельно от других в силу отверженности. С торжеством ислама в великой степи изменился статус тенгрианства, шаманизм подвергся к изгнанию. Образ шамана, баксы стал ассоциироваться с бесами.

Уязвлен змеєю жизни, я несчастья вижу всюду.
Будь, небытия пещера, мне обителью родной!

Разве «небытия пещера» Хакани и «могила баксы» Абая не одно и то же в своей меткой метафоричности?! Разве Хакани и Абай – не родственные души во всем?! Хакани поклялся: «Господи! Кафиром буду, если среди людей однажды / Смог увидеть человека... Таковы Адама чада!»

Хакани часто засматривается в небеса, без космоса восточный человек не существует. Он свое состояние души измеряет космосом, что можно часто видеть и у Абая. Схожесть повсюду их роднит по-настоящему.

О, горе! Медлительно счастье мое – недвижно стоит, как земля...
От быстрого схода небес усталая тяжесть в ногах.

Абай особенно скорбит и смиряется лицемерием людских взаимоотношений, ему уже одинаково не мил ни друг, ни враг, поскольку в них нет почти разницы: «Көңілім қайтты достан да, дұшпаннан да». Неверность и несовершенство пронизывают почти все стороны человеческой жизни:

Көңілім қайтты достан да, дұшпаннан да,
Алдамаған қалмады жан адамда.
Алыс-жақын қазақтың бәрін көрдім,
Жалғыз-жарым болмаса анда-санда.
Пайда үшін біреу жолдас бүгін таңда,
Ол тұрмас бастан жыға қисайғанда.
Мұнан менің қай жерім аяулы деп,
Бірге тұрып қалады кім майданда?

Несколько веков назад Хакани понял эту неутешительную истину:

Всего страшусь и жду лишь зла от каждого создання,
А друга, хоть заплачь навзрыд, на свете не осталось.

И сердце в ужасе бежит от недруга и друга,
Того, кто верность сохранит, на свете не осталось.

О, Хакани! Навек смирись, не сбросишь гнет постылый,
Ведь радости, что нас целит, на свете не осталось.

Абай приказывает своему сердцу просто остановиться: «Жүрегім, ойбай, соқпа енді!».

Сенісерге жан таба алмай,
Сенделеді ет жүрек.
Тірілікте бір қана алмай,
Бұл не деген тентірек?

Одиночество крепко берет обоих поэтов в свое объятие. Духовное родство налицо. Хакани приказывает себе так же, как и наш Абай, несколько столетия спустя:

О Хакани! Чуждайся низких, пей в горе кровь живого сердца,
С тобою та, что всех милее и всех желанней, не осталась.

Человек и космос едины, и Хакани повсюду видит магическую связь земли с небом. Он почти однозначно обвиняет в земных страданиях небеса: «Вечно небосвод сутул», «Там небо гневное решило на волосе подвесить душу», «По воле двухцветного небес...», «Стрела из лука небосвода всегда вонзалась в сердце нам». Фатализм Хакани дополняет языческие представления Абая, он также не отличает предоставления макрокосма, вселенной от микрокосма, человека.

Абай в природной лирике видит извечный союз неба и земли в виде супружеской пары («Жазгытұры»).

Жаз жіберіп, жан берген қара жерге
Рахметіне алланың көңіл сенер.

Күн – күйеу, жер – қалыңдық сағынышты,
Құмары екеуінің сондай күшті.
..Күн – күйеуін жер көкесп ала қыстай,
Біреуіне біреуі қосылыспай,
Көңілі жер лебіне тойғаннан соң
Жер толықсып, түрленер тоты құстай.

Хакани предпочел успокоение сознания. Фатализм античного мирозерцания не исчез, человек был и остается рабом обстоятельства свыше:

Коловращению небес все покорилось на земле.
Кто воспротивится ему?
Таких не видел белый свет.

Плачь, Хакани, в преступном мире!
Приятны мне твои стенанья,
Ведь музыки, что их звучнее, я не нашел.

Горечь Хакани чудовищно велика, возможно, сплин высокой души выражается таким образом:

Мне кажется, что тяжким вздохом я разорвать смогу все небо,
Как рвет его багрец рассвета, когда разливу нет препон.

Томится в клетке птица сердца, наказана за красноречье.
Она давно бы улетела, но западни – со всех сторон.

Кто есть человек для Хакани? Библейские мотивы о происхождении человека верны – «Сотворенный из праха», «обитель праха», «Что говорить о горстке праха?», «О, Хакани! Восславь того, кто смог из глины и воды / Такое диво сотворить! Всевышнему – твоя хвала!», «Обители праха, мы прахом становимся сами, / И золото юности удержал я в горсти».

Земли, что тебя питала, больше всего страшишь –
Она восстанет однажды и скажет: «Меня насыть!»

У Абая философия жизни и смерти сокровенно прозвучала в стихотворении «Не в земле ли сырой обрету я приют, умерев?». Оно, по сути, было исповедью духовного лидера, наставника, пророка своего народа.

Постарайтесь во мне разобраться поглубже, всерьез,
Я – некто с загадкой, не в этом ли, друг мой, вопрос?!
Не корите меня, я боролся один против тьмы,
Без троп продираясь, в опасностях всяческих рос.

Философия Хакани хоть и горчит, но не приземленная: будучи человеком, он мыслит в планетарных масштабах. Его плач и рыданье души объемлют Вселенную:

Судьба, на голове Вселенной ты письма скорбей чертишь,
И на челе людей ты пишешь слов: «Души не сохранишь!»

Хакани за несколько веков вперед предугадал мотив мистической нищеты как жребий святого, пророка, обреченного изначально на страдания за грехи людского рода, что человек от природы наг и сир. Много позже это прозвучит в классическом рассказе «Распятие отверженца» Уильяма Батлера Йейтса:

Пойми, судьба – нищий, она сидит, на пепелище,
Сумы вовеки не развяжет, и не дождешься меда.

Воды не заменяет глина, и пустота – внутри кувшина.
Какой в нем толк тому, кто жаждет?
Уж лучше пить из родника.

Поэт плавно переходит из общечеловеческого на личное, он и не скрывает свою обездоленность:

Привычно Хакани поститься и, перед тем, как спать ложиться,
Кровь сердца пить и не напиться, с утра не евши ни куска.

Абай был родом из степных аристократов. Он вовсе не знал голода. Однако был духовно подавлен незащищенностью и безграмотностью своего народа перед натиском имперской колонизации.

Хакани находит мощные сравнения в описании своей избранности, при этом он обречен на печаль:

Мир, ты – бушующее море! Простую бережешь ракушку,
А ту, где жемчуг притаился, швырнешь и волны дальше мчишь.

Абай ищет истину психологически-надрывно, спасаясь бегством от мира, заранее понимая, что не найдет правды и благородства на белом свете: «Мынау елді ұстарлық / Кісі емеспін, кел, құтқар!». Народ поневоле измельчал, бывшее благородство предков уж безвозвратно потеряно.

Хакани не находит душевного равновесия от отсутствия благородства:

Я взыскую благородства, я бегу неутомимо...
Кажется, готов я бегать не ногами – головой.

И пока не обрету я жемчуг истины желанной,
Как бушующее море, позабуду я покой.

Сплин у обоих поэтов чудовищно велик, ибо духовная тоска завладела величайшими умами мира. Хакани подчеркивает свою душевную болезнь, открыто высказывается: «Коль возжажду утешенья для души своей больной», «Я растоптан войском скорби, пригнетен тоскою был».

Если даже надкушу я сладкий стебель тростниковый,
Как от ветви гиацинта, яд польется огневой.

Поэтический образ яда символизирует тоску. У Абая яд есть желчь души, духовная неудовлетворенность: «Мен ішпеген у бар ма?», «Қаны қара бір жанмын, жаны жара», «Ішім толған у мен өрт, сыртым дүрдей, / Мен келмеске кетермін түк өндірмей». Хакани: «Но душе весь мир постыл», «Ты человечности живой ни в чьей природе не ищи», «Как у свечи, язык мой черен, я раскален, в слезах – от боли».

То своим холодным вздохом я светильник погашу,
То зажгу пыланьем сердца. Дни покоя – позади.

Убогость людей происходит от низости души, оттого поэт гневно приказывает судьбе:

Коль правды я твоей не стою, прошу, оставь меня в покое,
Ступай к злокозненным ублюдкам, к подлизам, чья душа низка!

Ведь гении-одиночки столь редки:

Чтоб для тебя родить еще одно дитя такое,
Великой матери-вселенной нужны года или века.

Хакани отделяет себя от низких людей, чью истину веками позже признает Абай: «Түбінде тыныш жүргенді теріс көрмедім».

Будь тверд, сохрани свое сердце, оно отвернулось от низких,
Ведь сердцем нельзя привязаться к тому, кто с тобою не схож.

Рок для Хакани непобедим: «Пораженное сердце в сраженьи разбил небосвод», «Бежать бессмысленно, ведь небо вдогонку целится из лука», «Не жди сочувствия у неба, поит оно не так уж сладко». Образ рокового стрельца с вышины в его поэзии повторяется. Тем не менее он мог дотронуться с силой воображения до неба: «И могучий светоч неба тяжким вздохом погасил я», «Ты жизнью этой не прельщайся, пойми, что небосвод – палач, / Ведь он карает без разбору, казнит людей без канители».

Он сетует на жизнь убогую, но гордится царственным даром:

Этот год отмечен черным в гороскопе Хакани.
Почему же только этот? Прошлый тоже был таков.

Но по милости пророка все-таки удачлив я,
Властелин языкотворцев, повелитель мастеров!

ПРОРОК ПОЭТОВ

Оба поэта в равной мере написали оду словесному искусству. У Хакани это – «Разум – рисовальщик зоркий моего ума и слога», у Абая – «Өлең – сөздің патшасы, сөз сарасы». Величайшие маги словесного искусства, они считают Восток родиной пророков, оттуда извечно блеснет заря и озарит душу.

Ныне я – пророк поэтов, я владею чудом слова,
Вечных истин откровенье я провозглашаю строго.

Хакани смело выступил против двуличия. Он не был склонен раболепствовать перед духовенством: «Ведь ни короны, ни тюрбана я не обрел».

Сокрушена Кааба сердца, разрушен внутренний ислам,
И воздвигаешь ты снаружи храм иноверцев, пышный храм.

Не уноси из недр Каабы замка святыни золотого,
Чтобы отлить себе гремушку – кольцо к языческим дверям.

Хакани оценил свою уникальную причастность к заветному: «Ведь Хакани живое красноречье – / Как залежи, богатые рудой», «Хакани – властитель слова, и рудник – его господь».

Он ясно видит историю человечества после потопа:

Средь бурных волн, а не в пустыне мы целомудрие хранили,
На сушу, спасшись от потопа в ковчеге Ноя, вышли мы.

Три месяца пути, четыре десятилетия мучений,
Но из пустыни Моисея, из царства зноя вышли мы.

В темнице мы томились долго и выскочили в мир слепыми,
Иль, матери покинув лоно, забыв былое, вышли мы?

Да, это правда – нас когда-то вниз головой перевернули:
Из лона матери родимой вниз головою вышли мы.

Шакарим, племянник, сын старшего брата Абая Кудайберды, писал о рождении человека с такой же глубинной философией: «Анадан алғаш туғанымда», младенец при рождении горько плачет, зная о своей участи.

Рожденный от матери скорби, обрызганный кровью, как роза,
Для радости – кубком винным, ей братом не станешь.

Абай: «Тұла бойды улатты, / Бәрі алдағыш сұм жалған», / «Весь пропитан ядом, / Все лютые обманщики, весь мир криводушен» .

Хакани, совпадая с ним почти дословно, написал еще до Абая:

Надо радостным казаться, пить отраву и смеяться!
Что ни утро чашу с ядом получаю на заре.

Абай философски проникает в глубокий тайник людских душ, взаимоотношения человека с обществом, двуличность их поступков, превратность их сознания:

«Жақсылық ұзақ тұрмайды, / Жамандық әр кез тозбайды. / Үміттің аты елеріп, / Қос тізгінді созбайды. / Қанша тепкі салсаң да, / Уайымнан озбайды. / Бір қайғыны ойласаң, / Жүз қайғыны қозғайды. / Жер қорығыш желгек шал / Желіп жүріп боздайды».

В оригинале это стихотворение звучит невероятно лаконично и необычайно красиво, образы предельно четко построены на ментальности кочевника, чье измерение есть горизонт.

Добро проходит быстротечно.
 А зло в любое время вечно.
 Надежды конь, как в дни былые,
 Не рвется в дали бесконечно.
 Вонзай ты хоть двойные шпоры,
 Увяз в печали он сердечный.
 Уйдешь в одну печаль, и тут же
 Уж сотни гонит ветер встречный.
 Старик – летучий страж кочевий,
 Кружа верхом, рыдает желчно.

То же самое прознал и Хакани о природе всего земного:

Любая печаль, приходящая в дом,
 Волнения множила в сердце моем.

Беременно сердце и горе рождает,
 И тысяча болей – в движенье одном.

Или:

Больше тысячи страданий – в каждом сердце огнем,
 И у каждого страданья – больше тысячи имен.

Азербайджанский поэт, наконец, обрел веру в служении искусству:

Но, если ты служишь Слову, тебя, Хакани, не забудут,
 Забытым, завет великих, с закатом не станешь ты.

Любовная лирика Хакани и Абай также близка друг другу.

У Абая возлюбленная порой выступает узурпатором: «Қор болды жаным, / Сенсізде менің күнім, / бек бітті халім, / Тағдырдан келген зұлым», «Сен мені не етесің?», «Ғашықтық – қиын жол», «Сені көрсем, / Ләм-мим деп / Бір сөз айтар / Хал жоқ, / Еріп кетер бой сол заман».

Я ничтожен, убог.
 Без тебя я... Как быть?!
 Я совсем изнемог
 От коварства судьбы.
 ...Сердцу свет уж не мил,
 Нет моих больше сил.

Хакани жестче Абая разоблачил сущность женщины:

Красавицам лишь власть мила, коварным верность не дана,
 Из них любая жаждет зла и лишь насилию верна.

Каких не вспомнишь дивных лиц, каких не встретишь чаровниц,
 Тебе презреньем воздадут и всякой мерзостью сполна.

О, сердце! В горестные дни будь верным другом Хакани,
 Твои любимые тебя забыли в эти времена.

Хакани и Абай не скрывают боль от превратностей любви. Отвергнутые коварством когда-то ненаглядной женщины мужчины страдают, их души уязвимы. У Хакани это целая одиссея душевных мук – «Как солнцем Страшного суда, любовью сердце сожжено», «Долгих молений, горестных слез ты отчего не приняла? / Сто заклинаний я произнес – и одного не приняла », «Сердце горело в пламени бед, но у любимой жалости нет. / Душу свою ей принес, но она, скрыв торжество, не приняла», «Чтоб видеть мне одну тебя, мой бессердечный властелин», «У мученика Хакани нет больше сердца, он убит», «Позволишь ли в какой-то миг увидети мне твой светлый лик? », «Меч судьбы – твой взгляд лукавый... Пощади на этот раз!», «Хакани – твой раб, и, если провинился ненароком, / Он готов ценою жизни искупить вину сейчас». Хакани и Абай, изнемогая от чувств, называют сердца любимых женщин злыми, но, тем не менее, любят их неистово.

О противостоянии и «битве» на любовном поприще немало классических образцов в мировой литературе – «Крейцера соната» Л.Н. Толстого, «Цветы зла» Ш. Бодлера.

Блещет в небе сотня тысяч ярких пуговиц червонных,
Но из них твоей одежды не достойна ни одна.

Космическое украшение сулит своей возлюбленной и Магжан Жумабаев, казахский поэт, крупнейший после Абая среди таких великих, как Ильяс Джансугуров, Султанмахмут Торайгуров, Сакен Сейфуллин, Бернияз Кулеев.

Любимый камень у Хакани – жемчуг. Поэт очень любит природную женственность драгоценного камня. Чаще всего воспекает уникальность белизны и магическое свойство жемчуга; рубин и золото «отстают» в такой лирике. Морские жемчуга не обрабатываются ювелирами, они – уже готовый органический продукт. Морские моллюски есть лоно жемчуга, он образуется в них, являясь истинным чудом природы. Жемчуг уподоблен богине красоты Афродите, рожденной из морской пены.

Женщина лучезарно сияет, подобно жемчугу, ее любовь недолговечна, как его органическое свойство, однако она есть богиня неиссякаемой красоты:

В покое брачном – в пиале, окрашенной в небесный цвет,
Нам солнца огненную дочь, что красотой горда, подай.

Он отверг мнимую религиозность, всплывая против течения, поддавшись на страсти души.

Что делать Хакани в раю у тихоструйного ручья?
Твое мне сердце – райский сад, так приведи ручей вина!

Он знает свое предназначение: «Хакани! Твоя отчизна – за межою бытия. / Сохрани лишь верность слову, жизни разорвав тяжи!».

Созвучие с Хакани есть и у Махтумкули:

Царь, с горделивостью носящий свой золотой венец блестящий,
Пастух, чья шапка из соломы, у всех – злосчастье одно.

Такой, как я, бедняк несчастный, такой, как ты, эмир всевластный, –
Судьба одна, уходят годы, на них досадовать смешно.

Хакани и Абай, оба сравнивают жизнь с восточным базаром.

И будет каждому понятно, что жизнь уходит безвозвратно,
Что на базаре многолюдном мы все обмануты равно.

Уходит жизнь, и тело тает, лишь небо горя не знает,
И то, что всех нас ожидает, его вращеньем решено.

Абай проповедует силу чистого разума:

Грядущее скрыто в тумане сплошном,
С надеждою ждущих глаз много кругом.
Пыль дней поднимая проносятся годы,
Не зная ни рода, ни вида ни в чем.

Дни эти, как те, что прошли навсегда,
Пройдут и уйдут, не оставив следа.
И где-то в чреде их наставит День Судный,
Всевышнему ведомо, где и когда.

Знай: «Я» – это разум, а тело – «Мое»,
В сущностях разных мы мирно живем.
Бесплотное «Я» изначально бессмертно,
«Мое» не спасти, не горюй же о нем.

Это стихотворение есть трактат о законах Аллаха. Хакани смирился с зыбкостью и неустойчивостью бытия.

Вновь трачу бытия частицу, но и царю не уклониться...
Мой день прошел, и старше на день стал шах – уж так заведено.

О своем достоинстве Хакани мыслит, как все бессмертные поэты мира:

Пойми: хула из уст глупца – что похвала от мудреца,
Охотничью собаку бьют, чтоб гепарду дать урок.

Живут рассказы о тебе, как свиток сокровенных тайн,
Тебя прославивший молве внимают запад и восток.

Пушкин также велит не оспаривать глупца. У Хакани представители власти не сделают поэта своим рабом:

Все золото царей того, чтобы тебе из-за него,
Песнь славословия слагать, не стоит.

Перестань, Хакани, тех, кто низок душой восхвалять,
Чтоб тебе не искать в шакалах уличных доблести льва,

Чтоб уста не сквернить, имена подлецов не назвать,
В пасть гюрзы не вливать воду жизни, стыдись плутовства.

Были вздором пустым славословья твои и хвалы,
Поклянись же, что впредь ты не вымолвишь лести слова!

Самооценка и величина по-царски одаренной личности у Хакани не подлежат сомнению:

Известно небу самому, что мастеров таких, как я,
Искусных в прозе и в стихах, никто помногу не видал.
Мой стиль – струистая вода, и мысль моя – живой огонь,
Воды, украшенной огнем, никто, ей-богу, не видал.

Хакани решительно против уравниения себя с бездарными:

Не хвали ты глупцов безголовых, пустых,
С ними их не равняй. Да и что нам до них!

Знай людей и не думай, что все они – люди,
Ведь шайтан притаился в бесовском сосуде.

Абай в бессмертной поэзии иногда не щадит и себя:

«Ішім толған у мен өрт, сыртым дүрдей, / Мен келмеске кетермін түк өндірмей.
/ Өлең шіркін – өсекші, жұртқа жаяр, / Сырымды тоқтатайын айта бермей».

Весь я – горечь и мука, обманчив цветущий мой мир.
Я так и уйду ничего не успевши свершить.
Но поэзия – сплетница, всем она весть разнесет.
Пожалуй, закончу, мне боли своей не избыть.

Но и в этом кроется духовное величие Абая. Просто удивительно, будто сам Хакани несколькими столетиями позже перевоплотился в Абая:

Какая добыча мной в мире добыта? Ничто.
И что же удача моя и защита? Ничто.
Я – разума свет, но задутый сердито, – ничто.
Я – чаша Джамшида, но, если разбита, – ничто.

Абай реквием высокой души воссоздал величаво и свято:

Не в земле ли сырой обрету я приют, умерев?
Не станет ли нрав мой скромнее стыдливейших дев?
Мое сердце, в котором боролись любовь и вражда,
Не станет ли льдом, где не властны ни радость, ни гнев?!

Почему два поэта столь духовно близки, несмотря на огромное расстояние во времени, на физическое несовпадение в земном пространстве? Ответ до изумительности прост: Хакани и Абай – части единого энергетического поля, единого высшего Разума, единого Божественного сознания. Из всех живущих на земле особенно поэты высоко связаны между собой, как озаренные и просвещенные люди от единого источника Творения.

Лишь выйдешь, Хакани, из собственного «я»,
И шестивратный мир покинет плоть твоя.
И лишь твои уста один покинет выдох,
Как птичка, вылетит из клетки бытия.

